

УДК 340.12

М. Н. Поскачина

**ОТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «СУБЪЕКТ ПРАВА»
И «ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ» В ТЕОРИИ ПРАВА**

Рассматривается отношение между двумя основными понятиями теории права и трансцендентальной феноменологии. Каждое понятие имеет самостоятельное значение, которое при известных условиях выполняет свою функцию. Целью проводимого изучения является выявление специфики каждого из них, чтобы выявить существующее между ними теоретическое различие.

The article examines the correlation between two basic concepts of the theory of law and transcendental phenomenology. Each concept has its own meaning and performs its specific function. The article aims is to identify the specifics of each concept in order to understand the existing theoretical distinctions between them.

Ключевые слова: трансцендентальная феноменология, теория права, субъект права.

Key words: transcendental phenomenology, theory of law, subject of law.

Рассматриваемые понятия мало известны теории права, поскольку они не часто применяются или вообще не используются в отечественной юридической практике, хотя и служат ориентиром для различения естественного права от права позитивного. Естественное право как априорная теория не зависимо не только от совокупности норм права, но и от юридически правильного ее построения. Показать это различие возможно на основе концептуального анализа двух основных понятий трансцендентальной феноменологии: «трансцендентальный субъект» и «субъективная реальность» — в контексте трансцендентального сознания Э. Гуссерля и протестантизма как общего корня субъективизма в новоевропейской философии [5, с. 25]. Основу проводимого анализа составляет тезис о различных критериях общенаучного и узкоюридического познания права, приводящих к методологическим разногласиям в осмыслении и понимании права. Научное (философское) познание права ориентируется на осмысление должного (ценностей и смыслов), раскрывает мир таким, каким он должен быть. Юридическое познание права ограничивается практическим применением правовых норм, стараясь не допускать оценочных отношений.

Примерно такая картина складывается в результате анализа понятий «субъект права» и «трансцендентальный субъект», которые по своей

природе обязаны гносеологическому понятию «субъект». Теория права глубоко не задумывается над гносеологическим значением данного понятия, так как это значение не является предметом юридической науки. Зато в теории права много значений имеет понятие «субъект права». Исследователи определяют субъект права как лицо, юридическую внешность, как правовую волю, как совокупность правовых связей, отношений, как правовое сознание и проч.

Такое многообразие значений данного понятия, по мнению С.И. Архипова, есть результат отсутствия общей теории субъекта права. Он предлагает многоаспектный подход к исследованию субъекта права, при использовании которого появляется возможность «преодолеть односторонний взгляд на субъекта права как на формальную правоспособность», и в результате «правовая личность предстает во всем многообразии ее проявлений, она оказывается тем пронизывающим и объединяющим все правовые процессы стержнем, вокруг которого, собственно, и формируется правовая материя, организуется правовое содержание» [1, с. 11].

Не оспаривая актуальность многоаспектного подхода к изучению понятия «субъекта права», все же отметим, что основное различие между субъектом права и трансцендентальным субъектом заключается не в многовариантности определения их значения, а проявляется в самой сути.

Теория права, используя значение гносеологического понятия «субъект», удачно применила его к юридической конструкции, наполнив первичное понятие юридическим содержанием; тем самым она решила свою методологическую задачу. Будучи включенным в правовое сознание и правовую реальность, понятие «субъект права» отчасти сняло проблему изолированности субъекта от окружающего мира. Значит, гносеологические вопросы, составляющие предмет правовой гносеологии, могут быть решены в праве с позиций использования «всей совокупности гносеологических приемов, средств и возможностей в процессе всестороннего познания права для получения достоверного и истинного знания о праве» [3, с. 91].

Иначе обстоит дело с понятием «трансцендентальный субъект». Интерес к нему как к метафизическому феномену вызван избыточным доминированием в современной науке натурализма и объективизма, транслируемых из науки в массовую культуру и философию; и это должно компенсироваться и дополняться феноменологическим учением опыта. Феноменология, направляющая усилия на тематизацию человекообразного среза феноменов, и феноменологический язык, ориентированный на описание опыта «от первого лица», позволяют принять к рассмотрению аспекты опыта, остающиеся вне поля зрения натурализма, в русле которого предметы и явления, как правило, рассматриваются независимо от какой-либо точки зрения.

Таким образом, противовесом натурализму выступает, с одной стороны, феномен изучения опыта, а с другой — онтологический поворот,

позволяющий увидеть человека как существо, несущее в себе онтологическую составляющую: «человек как онтологическое существо определяется поверх всех регионов бытия, как существо, для которого открыто измерение мира в целом» [6, с. 8].

По мнению Н. А. Сурковой, подобные суждения свидетельствуют о следующем:

...Трансцендентальный субъект — это далеко не чистая мысль (проникнуть в эту сферу не так уж и трудно, гораздо труднее преодолеть изнуряющую ее силу), а некое содержательное и эвристическое начало, сохраняющее в себе только стремление к чистому мышлению, только стремление возвыситься над всяким временем, на не само мышление и не само время [4, с. 100].

Из этого следует, что «субъект» может быть представлен как трансцендентальный субъект, который не может быть простым предикатом и зависеть от правил мышления. Трансцендентальный субъект можно определить как некую первую реальность, определяющую существование мира, по выражению позднего Ф. Шеллинга и К. Ясперса. В этом случае возникает вопрос о соотношении имманентного и трансцендентного, о возможности познания последнего. И. Кант определяет трансцендентальный субъект как «неизвестный субъект».

Предварительные пояснения относительно соотношения имманентного и трансцендентного могут быть основаны на высказываниях В. А. Лекторского. Он считает, что идея кантовской философии заключена в том, что в ней мир опыта, то есть мир предметов и их отношений, предстающих перед эмпирическим сознанием в качестве реально существующих, на самом деле является конструкцией, продуктом идеальной деятельности трансцендентального субъекта, хотя эмпирический индивид не осознает этой деятельности.

Такое представление о кантовской идее опыта В. А. Лекторский объясняет следующим образом:

То, что мы считаем отношением к реальности как конституирующим признаком знания — и само различение реальности и иллюзии, — с этой точки зрения является лишь моментом внутри конструктивной идеальной деятельности. Можно считать И. Канта первым эпистемологическим конструктивистом. Однако нужно заметить, что, с точки зрения И. Канта, конструктивизм имеет свои границы. Во-первых, нужно различать позицию философа-трансценденталиста и позицию эмпирического сознания (к последнему относится как обыденное сознание, так и сознание ученого). Если для философа мир «трансцендентально идеален», то есть сконструирован, построен трансцендентальным субъектом, то для эмпирического сознания мир предстает как эмпирически реальный, независимый от сознания. Его можно и нужно исследовать и открывать в нем нечто неизвестное. Во-вторых, по И. Канту, конструктивная деятельность трансцендентального субъекта предполагает данность разнообразных ощущений как материал для деятельности (ибо строить можно только из чего-то), а также трансцендентную реальность вещи в себе, которая и производит ощущения [2, с. 32–33].

При этом в послекантовском идеализме, прежде всего в философии И. Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегеля, конструктивистское понимание пошло гораздо дальше. Было снято противопоставление деятельности и вещи в себе, снят тезис о существовании независимой от деятельности сферы чувственной данности; весь мир опыта и вся реальность были поняты как продукт деятельности некоего *Абсолютного субъекта*. В эпистемологии и философии науки XX в. были популярны разные версии эмпиризма. Философы, развивающие эмпиристские концепции знания и познания, считали, что по большей части предметы, к которым относятся разные виды и типы знания, реально не существуют. Последние являются либо логическими конструкциями из чувственных данных (ранняя аналитическая философия, логический эмпиризм), либо продуктами осуществления лабораторных операций, в частности операций изменений (операционализм), либо вспомогательными орудиями для описания мира опыта (инструментализм) [2, с. 33].

Однако верное по своему содержанию различие имманентного и трансцендентного, положенное в основу конструктивистского подхода, само остается лишь конструкцией, показывающей, как надо это делать. Но не более! В теории права проблема конструирования известна, и она решается по-своему. Например, И. Л. Честнов конструктивизм трактует так:

[конструктивизм – это] критика объективирующих правовую реальность концепций классической юриспруденции, с позиций которых право выступает миром идеальных сущностей, парящих над эмпирической социальной реальностью, созданных гением римских юристов или мировым духом. Конструктивизм – это новое представление о правовой реальности, предполагающее сконструированность правовой системы и ее воспроизводство (инновационное и традиционное) действиями и ментальной активностью человека. Реализация такой программы предполагает переписание практически всех юридических категорий, наделение праксеологическим смыслом юридических догм и конструкций [7, с. 229–237].

Надо полагать, что данное определение явилось результатом влияния постмодернистских размышлений о праве, правовой реальности. Можно и так построить конструкцию, озадачившись пересмотром всего и вся. Но применительно к предложенной конструкции как конструктивистскому подходу применима идея эпистемологического конструктивизма, согласно которой «знание что» сводится к «знанию как».

Список литературы

1. *Архипов С. И.* Субъект права. Теоретическое исследование. СПб., 2004.
2. *Лекторский В. А.* Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? // Конструктивизм в теории познания. М., 2008. С. 31–42.
3. *Нерсисянц В. С.* Философия права : учебник для вузов. 2-е изд. М., 2006.
4. *Суркова Н. А.* Трансцендентальный субъект и проблема его философской интерпретации. Уфа, 2003.

5. Трубецкой С.Н. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1908. Т. 2.
6. Фролов А.В. Трансцендентальный горизонт и границы жизненного мира : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008.
7. Честнов И.Л. Что есть право? // Правоведение. 2013. №3. С. 229 – 237.

Об авторе

Марина Никитична Поскачина — канд. юр. наук, доц., Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Россия.

E-mail: ms.marina4@mail.ru

The author

Dr. Marina N. Poskachina, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: leopolit@yandex.ru